

9. Лич Дж. Н. К теории и практике семантического эксперимента : [пер. з англ. И. М. Кобозевой] / Дж. Н. Лич. – М. : Прогресс, 1983. – С. 131. – (Новое в лингвистике; вып. XIV. – С. 108–132).
10. Пиаже Ж. Логика и психология / Ж. Пиаже // Избранные психологические труды; [пер. с франц.]. – М., 1969. – 605 с.
11. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под. ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 4. – 789 с.
12. Словарь русского языка : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка; [под. ред. А. П. Евгеньевой]. – 2-е изд. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1. – 696 с.
13. Словарь иностранных слов. – 7-е изд. / [научн. ред. Г. С. Спиркин, И. А. Акчурина, Р. С. Карпинская]. – М. : Русский язык, 1979. – 621 с.
14. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю. С. Степанов. – М. : Наука, 1981. – 360 с.
15. Штерн І. Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики. Енциклопедичний словник для фахівців з теоретичних гуманітарних дисциплін та гуманітарної інформатики / І. Б. Штерн. – К. : Артек, 1998. – 336 с.
16. Щерба Л. В. О тroyаком аспекте языковх явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба. – Известия АН СРСР. Отделение общественных наук. – М., 1931. – 125 с.
17. Humboldt W. Uber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihrem Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. W. Von Humboldt's Gesammelte Werke, 6. Band. – Berlin, 1848. (Цит. по: [5, с. 53–54]).
18. Descartes. Discours de la methode. – Paris, 1960. (Цит. по: [5, с. 285]).

Надійшла до редколегії 14.01.11

УДК 811.112.2'38

Т. И. Манякина

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ПЕРЕНОСНО-ОБРАЗНЫЕ СУЖДЕНИЯ В АФОРИСТИКЕ М. ФОН ЭБНЕР-ЭШЕНБАХ

Розглянуто прагмастилістичну специфіку образних афоризмів австрійської письменниці Марії фон Ебнер-Ешенбах.

Ключові слова: переносна образність, засоби переносної образності, тропи, метафора, персоніфікація, прагматорична інтенція, експресивний потенціал.

Рассмотрена прагмастилистическая специфика образных афоризмов австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах.

Ключевые слова: переносная образность, средства переносной образности, тропы, метафора, персонификация, прагматорическая интенция, экспрессивный потенциал.

The pragmatic and stylistic specification of the imaginary aphorisms of the Austrian writer Mary von Ebner-Eshenbah is under consideration.

Keywords: figurative imagery, figurative imagery means, figures of speech, metaphor, personification, pragmarhetoric intention, expressive potential.

Индивидуально-авторская манера создания образных формулировок в афористике представляет для исследователя неодноплановый интерес, поскольку она не только манифестирует собой один из аспектов авторского стиля, но и одновременно апеллирует к образности как типологическому признаку жанра; кроме того, её рассмотрение предоставляет обширный и яркий материал для тематически ориентированного лингвостилистического тренинга студентов-филологов.

Исследование афористического творчества австрийской писательницы Марии фон Эбнер-Эшенбах (1830–1916), крупнейшей представительницы этого жанра в немецкоязычной литературе, далеко не исчерпано, в частности, в аспекте лингвостилистики [1; 2]. Этим обуславливается **актуальность** предлагаемого материала.

Предмет данного исследования – формулировки, в которых ведущим фактором реализации жанрово-релевантных признаков афоризма, т. е. краткости, информативной ёмкости и яркости, выступают тропы.

Цель исследования – рассмотреть семантический и функциональный аспекты образности в афористике М. фон Эбнер-Эшенбах.

К средствам переносной образности писательница обращается примерно в каждом десятом из более чем пятисот своих суждений [8]. При этом в большинстве случаев она использует метафоры. Главным образом на данном виде тропов в афористическом творчестве писательницы и будет сосредоточено наше внимание.

М. фон Эбнер-Эшенбах принадлежит к афористам просветительской, умеренно-дидактической направленности [9, с. 280; 11, с. 299].

Тема её суждений – человек в многообразии свойств его натуры. Писательница осмысливает эти свойства, выявляет их суть, оценивает достоинства и недостатки человека, размышляет над чувствами, которые дано ему испытывать, над мотивами его поступков в различных сферах жизни, в частности, в творчестве, открывая новые грани в его натуре, переоценивая общепринятые представления и отвергая многие ходячие истины. Все эти проявления человеческой натуры давно обозначены в языке абстрактными понятиями: добро, зло, сострадание, тщеславие, разум, презрение, добродетель, талант, скупость и многие другие. Поэтому писательница довольно часто обращается к средствам переносной образности для того, чтобы с их помощью приблизить абстрактное, сделать его для читателя зримым, а свои суждения – более яркими и убедительными.

При избранном нами лингвостилистическом ракурсе исследования приобретают определённую значимость теоретико-таксономические сведения о видах тропов, в частности, о видах метафоры. Мы опираемся на традицию, согласно которой различают два главных вида этого тропа: «собственно»-метафору (*normale Metapher*) и персонификацию (или олицетворение) [10, с. 212–223]. Логико-семантическую основу персонификации составляет, как известно, «наделение животных, предметов, явлений природы и отвлечённых понятий человеческими свойствами» [4, с. 383]. Метафоры, возникающие на всех других ассоциативных основаниях, как то овеществление, анимализация, обобщение и т. п., относятся к виду «собственно»-метафоры [5, с. 222–223].

Примерами афоризмов, содержащих «собственно»-метафоры, могут служить следующие суждения писательницы:

Das Mitleid des Schwächlings ist eine Flamme, die nicht wärmt [8, с. 9]. (Сочувствие слабого – это **пламя, которое не греет**).

Menschenverachtung – ein Panzer, der mit Stacheln gefüttert ist [8, с. 57]. (Презрение к людям – это **панцирь, подбитый шипами**).

In den meisten Fällen ist die Familie für ein junges Talent entweder ein Treibhaus oder ein Löschhorn [8, с. 23]. (В большинстве случаев семья является для юного таланта либо **теплицей, либо гасителем**).

Zwischen Können und Tun liegt ein Meer, und auf seinem Grunde gar oft die gescheiterte Willenskraft [8, с. 27]. (Между «мочь» и «делать» **простирается море, а на его дне весьма часто покоится потерпевшая крушение сила воли**).

Die Wunden, die unserer Eitelkeit geschlagen werden, sind halb geheilt, wenn es uns gelingt, sie zu verbergen [8, с. 48]. (**Раны, наносимые нашему тщеславию, наполовину излечиваются, когда нам удаётся скрыть их**).

Wer von Schaffensfreude spricht, hat höchstens Mücken geboren [8, с. 48]. (Тот, кто твердит о радостях творчества, в лучшем случае **родил комара**).

Wie teuer du deine schöne Illusion auch bezahltest, du hast doch einen guten Handel gemacht [8, с. 55]. (Как бы дорого ты ни **оплачивал** свою прекрасную иллюзию, ты всё равно **остался в выигрыше** (буквально: **совершил хорошую сделку**)).

Однако в значительно большем количестве образных суждений М. Эшенбах присутствует персонификация. Это обусловлено, как думается, не только авторской риторической интенцией, но и является также своеобразным отражением мировосприятия писательницы и активности её натуры: окружающий мир и космос человека она видит в постоянном движении, в живых связях. Писательница подсознательно тяготеет к динамичности образов, и персонификация наиболее отвечает этому её устремлению. Приведём несколько характерных примеров:

Der Verstand kann ein Held sein, die Klugheit ist meistens ein Feigling [8, с. 57]. (Разум может быть **героем**, благоразумие чаще всего бывает **трусом**).

Die Gewohnheit ist langlebiger als die Liebe und überwindet manchmal sogar die Verachtung [8, с. 56]. (Привычка **более живуча**, чем любовь и иногда **побеждает** даже презрение).

Ein Gedanke kann nicht erwachen, ohne andere zu wecken [8, с. 20]. (Мысль не может **проснуться**, не **разбудив других мыслей**).

Die Langeweile, die in manchem Buche herrscht, gereicht ihm zum Heil; die Kritik, die schon ihren Speer erhoben hatte, schläft ein, bevor sie ihn geschleudert hat [8, с. 30]. (Скука, **царящая** в иной книге, идёт ей на пользу: критика, уже **замахнувшаяся на неё мечом**, **засыпает**, не успев **нанести удара**).

Die Natur hat leicht verschwenden; auch das scheinbar ganz nutzlos Verstreute fällt zuletzt doch in ihren Schoß [8, с. 33]. (Природе **легко быть расточительной**: ведь даже то, что кажется **рассыпанным зря**, **падает**, в конце концов, в её **лоно**).

Сочетание обоих видов метафоры можно наблюдать в следующем афоризме: *Der Witzling ist der Bettler im Reich der Geister; er lebt von Almosen, die das Glück ihm zuwirft – von Einfällen* [8, с. 45]. (Остряк – это **нищий в царстве умов**: он **перебивается подачками**, которые ему **кидает случай** – **внезапными идеями**). «Собственно»-метафорами в этом афоризме являются понятия Bettler, Reich и Almosen, персонификация – [das Glück] zuwirft.

Рассмотрим ещё одно суждение: *Vorurteil stützt die Throne, Unwissenheit – die Altäre* [8, с. 44]. (Предрассудок – **опора тронов**, невежество – **опора алтарей**. (Буквально: **Предрассудок поддерживает троны**, **невежество поддерживает алтари**)). Здесь наряду с глагольной персонификацией *stützen* присутствует достаточно редкий в афористике троп – метонимия (требуемая обычно для своей реализации и декодирования более широкого контекста). Она представлена понятиями *Throne* и *Altäre*, которые перешли в разряд общеязыковых перифраз, но не утратили яркости (став как бы абсолютными «патетизмами»).

Приведём ещё одно, замечательное по глубине, наблюдение писательницы: *Der Schmerz ist der große Lehrer der Menschen. Unter seinem Hauche entfalten sich die Seelen* [8, с. 18]. (Страдание – **великий учитель**. **Под его сенью** (букв.: **дыханием**) **достигают полной зрелости души людей**). В этом суждении мы наблюдаем персонификацию (понятие *Lehrer*), «собственно»-метафору (глагол *sich entfalten* – развиваться, расцветать) и своеобразную общеязыковую метонимию (синекдоху:

Seele – душа), которая «анатомически» соотносится как бы с частью человека, но одновременно манифестирует его целиком.

Наряду с рассмотренными выше **частично**-образными формулировками, где образность охватывает часть фразы, у М. Эшенбах есть афоризмы, в которых всё суждение имеет переносный смысл, то есть является метафорой, приложимой, подобно пословице, к различным жизненным ситуациям. Мы называем их полностью образными, или «пословичными» афоризмами [2]. Таковы, например, следующие суждения писательницы:

Auch das kleinste Licht hat sein Atmosphärchen [8, с. 55]. (Даже у самого маленького огонька есть своя атмосфера).

Die Palme bäugt sich, aber nicht der Pfahl [8, с. 39]. (Гнётся пальма, а не столб).

Läufer sind schlechte Geher [8, с. 57]. (Бегуны – плохие ходоки).

Wenn die Nachtigallen aufhören zu schlagen, fangen die Grillen an zu zirpen [8, с. 45]. (Когда умолкают соловьи, начинают трещать цикады).

Во всех приведённых выше афоризмах, частично-образных и «пословичных», суть человеческих чувств и типичных поступков раскрывается писательницей через сопоставление с вполне представимыми предметами и явлениями природы, быта и общественной жизни.

Ощущение доступности образных ассоциаций писательницы подкрепляется ещё некоторыми штрихами её стиля. Так, она может использовать в своих афористических формулировках образную фразеологию разговорной речи. Рассмотрим несколько примеров:

Unsere Fehler bleiben uns immer treu, unsere guten Eigenschaften machen alle Augenblicke kleine Seitensprünge [8, с. 42]. (Наши ошибки верны нам всегда, наши хорошие качества ежеминутно заводят интрижки на стороне). Выражение *Seitensprünge machen* буквально означает «делать прыжки в сторону», его основной, т. е. переносный смысл – «заводить любовные шашни на стороне» [7, Bd. 2, S. 342].

Kein Mensch weiß, was in ihm schlummert und zutage kommt, wenn sein Schicksal anfängt über den Kopf zu wachsen [8, с. 46]. (Ни один человек не знает, что в нём дремлет и может проявиться, если судьба начнёт выходить из-под его контроля). Фразеологизм *über den Kopf wachsen* в буквальном переводе означает «вырастать выше головы», употреблён в данном случае в значении «выходить из-под контроля» [7, Bd. 2, S. 737].

Jeder Mann hat ein Brett vor dem Kopf – es kommt auf die Entfernung an [8, с. 54]. (У каждого есть своя доска перед головой, дело лишь в расстоянии до неё). Семантико-стилевое своеобразие этого афоризма состоит в том, что здесь использован фразеологизм *ein Brett vor dem Kopf haben* в его буквальном значении, а не в переносном (которое является основным). Таким образом, суждению была придана форма не прямой передачи мысли, а намёка: фразеологизм *ein Brett vor dem Kopf haben* означает «быть глупым», ср.: *er hat ein Brett vor dem Kopf* = он набитый дурак [7, Bd. 1, S. 289].

Писательница не отвергает порой и сниженную лексику, хотя это не частое явление в её афоризмах. Мы обнаружили два образных суждения, содержащих лексику сниженного стилового регистра: в афоризме «*Die öffentliche Meinung ist die Dirne unter den Meinungen*» [8, с. 58] (Общественное мнение – **девка** среди мнений) и в афоризме «*Geistlose Lustigkeit – Fratze der Heiterkeit*» [8, с. 48] (Бездуховное веселье – это **гримаса** весёлости; *Fratze* = рожа, гримаса).

С другой же стороны, среди образных афоризмов М. Эшенбах есть формулировки, тяготеющие к книжному, интеллектуальному стилю, когда в качестве

характеризуючого компонента використовуються отвлечённые понятия, абстрактные метафоры. Например:

*Liebe ist **Qual**, Lieblosigkeit ist **Tod*** [8, с. 40]. (Любовь – **мучение**, нелюбовь – **смерть**).

*Auch die Tugend ist eine **Kunst**, und auch ihre Anhänger teilen sich in Ausübende und bloße Liebhaber* [8, с. 10]. (Добродетель – это тоже **искусство**, и её приверженцы также делятся на профессиональных исполнителей и просто любителей).

*Der Zufall ist in die Schleier gehüllte **Notwendigkeit*** [8, с. 5]. (Случайность – это закутанная в вуаль **необходимость**).

*Wenn wir nur das sehen, was wir zu sehen wünschen, sind wir bei der **geistigen Blindheit** angelangt* [8, с. 37]. (Если мы видим только то, что хотим видеть, значит, мы пришли к **духовной слепоте**).

*Der Mittelmäßige fühlt sich dem Ausgezeichneten gegenüber immer im **Zustande der Notwehr*** [8, с. 59]. (Заурядный человек по отношению к яркой личности всегда пребывает в **состоянии необходимой обороны**).

Кроме того, в поисках аналогий писательница обращается к литературным, мифологическим и историческим архетипам, явлениям и понятиям (что требует в наши дни наличия у «широкого» читателя определённой общекультурной осведомлённости). Характерны в этом отношении следующие афоризмы:

*Die **Ambrosia** der früheren Jahrhunderte ist das **tägliche Brot** der späteren* [8, с. 31]. (**Амброзия** более ранних веков является **насытным хлебом** более поздних времён).

*So mancher meint ein **Don Juan** zu sein und ist nur ein **Faun*** [8, с. 43]. (Кое-кто считает себя **донжуаном**, а является всего лишь **фавном**).

*An der **Manna** der Anerkennung lassen wir es uns nicht genügen, uns verlangt nach dem Gifte der **Schmeichelei*** [8, с. 53]. (Мы не довольствуемся **манной** признания, нам хочется **яда лести**).

*Bei den **Hottentoten** ist nicht einmal **Napoleon** berühmt* [8, с. 47]. (У **гоммениотов** даже **Наполеон** не знаменитость).

Доступность, в известных рамках демократичность, афористического стиля М. Эшенбах не означает в то же время нарочитого упрощения её формулировок, нарочитого обнажения мысли. Как мы могли уже убедиться, метафоры в её афоризмах вполне оправдывают свою роль средства, придающего мысли яркость и тем самым усиливающего её воздействие. Сравним несколько формулировок (из уже процитированных выше) с прямым изложением их смысла:

1. *Die Wunden, die unserer **Eitelkeit** geschlagen werden, sind halb geheilt, wenn es uns gelingt, sie zu verbergen* [8, с. 48]. (Раны, наносимые нашему **тщеславию**, наполовину излечиваются, когда нам удаётся **скрыть их**).

Трансформация: Старайся не показывать, что твоё самолюбие уязвлено, – быстрее успокоишься.

2. *Jeder Mann hat ein Brett vor dem Kopf – es kommt auf die Entfernung an* [8, с. 54]. (У каждого есть своя **доска перед головой**, дело лишь в **расстоянии до неё**).

Трансформация: Каждый человек в большей или меньшей степени глуп.

3. *Der Schmerz ist der große Lehrer der Menschen. Unter seinem Hauche entfalten sich die Seelen* [8, с. 18]. (Страдание – великий учитель. Под его **сенью достигают полной зрелости души людей**).

Трансформация: Страдание полезно: оно формирует, развивает человека.

4. *Menschenverachtung – ein Panzer, der mit Stacheln gefüttert ist* [8, с. 57]. (Презрение к людям – это **панцирь, подбитый шипами**).

Трансформация: Тот, кто презирает других, страдает сам.

Как видим, декларативно-понятийное изложение сути мыслей, лишённое образного облачения, выглядит плоско и тускло.

По нашему наблюдению, очарование «хороших», в данном случае образных, афоризмов часто заключается именно в том, что они своей непрямой, **описательной** формой изложения заставляют читателя потрудиться, дойти самому до глубинной сути суждения или же до механизма его яркости, что также доставляет интеллектуальное и эстетическое удовольствие. Кроме того, образная форма не только делает мысль ярче, но и затрагивает или вовлекает в свой содержательный ареал такие тонкие и сложные детали связей и отношений, которые не всегда и не сразу поддаются прямому обозначению, а их раскрытие вылилось бы в многословное рассуждение. Поэтому нельзя не согласиться со словами немецкого исследователя этой малой словесно-художественной формы Г. Асемиссена (H. Asemissen) о том, что афоризм говорит больше, чем непосредственно высказывает (Der Aphorismus sagt mehr als ausspricht [6, с. 149]).

Афоризмам присуща большая информативная и экспрессивная нагруженность на единицу текстового пространства по сравнению с произведениями более крупных жанров, поскольку здесь в формировании содержательного плана значительная роль принадлежит за-текстовому фону, а в реализации экспрессивного эффекта участвуют все компоненты вербально-семантического конструкта. Поэтому стилистическая конвергенция, т. е. скопление на небольшом текстовом пространстве нескольких стилистических средств [3, с. 89], является жанрово-релевантным признаком афоризма, и проникновение в глубинный механизм экспрессивности всякого конкретного микротекста связано с выявлением «пучка» факторов логико-семантического и вербального уровней.

Стилистическая конвергенция – неотъемлемый признак афоризмов М. фон Эбнер-Эшенбах, в том числе и рассматриваемых здесь образных формулировок. Проанализируем в этом аспекте несколько предложений писательницы.

Alte Diener sind kleine Tyrannen, an die die große Tyrannin Gewohnheit uns knüpft [8, с. 16]. (Старые слуги – это маленькие тираны, к которым нас привязывает большой тиран – привычка).

Как видим, понятие Tyrann выполняет в этом афоризме оценочную функцию и выступает в первой части суждения в качестве **«собственно»-метафоры**, а во второй – в качестве **персонификации**. Эта реализация в пределах одного тропа двух логико-семантических планов взаимодействует с **двойной антитезой** – здесь имеет место противопоставление по размеру (klein – groß) и по числу (Tyrannen – Tyrannin), – а также с элементом смысловой **парадоксальности**, присущей словосочетанию *kleine Tyrannen*. Таков довольно сложный механизм яркости этого компактного суждения.

Auch die Tugend ist eine Kunst, und auch ihre Anhänger teilen sich in Ausübende und bloße Liebhaber [8, с. 10]. (Добродетель – это тоже искусство, и её приверженцы также делятся на профессиональных исполнителей и просто любителей).

Первая часть этого афоризма представляет собой **дефиницию**, где в качестве «определителя» использована **абстрактная метафора Kunst**. Второй, уточняющей, части афоризма присуща **смысловая двуплановость**. При этом второй смысл можно истолковать также **двояко**: 1) люди делятся на тех, кто творит добро, и тех, кто им пользуется; 2) люди делятся на тех, у кого добродетель является их сущностью, и на тех, кто лицемерит.

Эта смысловая неоднозначность **ретроспективно иррадирует** на понятие «искусство», в котором, наряду с исходным значением «высокое мастерство», начинает просматриваться значение «ловкость, хитрость».

Определённая доля в формировании экспрессивного потенциала этого афоризма принадлежит также **контекстным антонимам** *Ausübende – Liebhaber*, приближенным друг к другу пространственно, но резко противопоставленным семантически.

Смысловая неодноплановость формулировки рождает ещё один семантико-эмоциональный эффект – возникновение лёгкого иронического флёра.

Таким образом, экспрессивный потенциал данного афоризма весьма ёмок и базируется на взаимодействии нескольких логико-семантических и структурных факторов.

И, наконец, ещё одно суждение:

Die Eitelkeit weist jede gesunde Nahrung von sich, lebt ausschließlich von dem Gifte der Schmeichelei und gedeiht dabei in üppiger Fülle [8, с. 18]. (Тщеславие отклоняет любую здоровую пищу, питается исключительно ядом лести и при этом пышно разрастается).

Здесь, помимо ведущего средства экспрессивности, **олицетворения**, намерен приём **градации** по возрастающей (перечисляются неразумные поступки тщеславия), которая, однако, завершается неожиданным поворотом мысли (**шлаг-зацем**), перечёркивающим мрачную посылку. Это добавляет в общий тон высказывания оттенок удивления, сочетающегося с иронией. Кроме того, в формулировке использована лексика с предельной семантикой (*jede, ausschließlich*), что придаёт высказыванию характерную для жанра аподиктичность, которая также вносит свою лепту в экспрессивность формулировки.

Подытоживая приведённый в данной статье анализ образных афоризмов М. фон Эбнер-Эшенбах, можно отметить следующее.

Мария фон Эбнер-Эшенбах обращается к образным формулировкам, стремясь к доступности, убедительности и яркости изложения своих взглядов на сущность человеческой природы в её многообразных психологических, нравственных и акциональных проявлениях.

Ведущим средством переносной образности в афористике писательницы выступает метафора с преобладанием персонификации как её вида, что может отражать не только прагматорическую интенцию писательницы, но и специфику её мироощущения и ассоциативного мышления.

Наряду с традиционными для жанра частично-образными суждениями среди афоризмов М. Эшенбах имеются обобщённо-образные формулировки, свидетельствующие об определённом влиянии на малый литературно-художественный жанр пословичной традиции.

Особенностью большинства метафорических формулировок М. Эшенбах является конкретность, представимость образов, которые черпаются ею из ближайшего предметного окружения обычного человека.

В то же время М. Эшенбах чуждо вульгарное упрощение образного ряда афористических суждений. Она апеллирует к читателям, достаточно информированным в общекультурном аспекте. Поэтому среди её образных ассоциаций присутствуют мифологические, литературные и исторические архетипы и реалии, а также ассоциации отвлечённо-интеллектуального порядка в виде метафор – абстрактных понятий.

Средства переносной образности конвергируют в формулировках М. Эшенбах с разнообразными явлениями логико-семантического и словесно-структурного плана, что обуславливает высокую степень их (суждений) экспрессивной насыщенности.

Анализ текстообразующих и прагмастилистических факторов как в содержательном, так и в вербальном аспекте этих словесно-художественных микротек-

стов способен обеспечить насыщенный и в то же время оперативный лингвистический тренинг студентов. Одновременно знакомство с творчеством ведущих афористов страны изучаемого языка дополняет культуроведческую компетенцию будущего специалиста по иностранному (в данном случае немецкому) языку.

Перспективы дальнейшего изучения афористики М. фон Эбнер-Эшенбах мы связываем с исследованием специфики функционирования здесь стилистических средств и фигур, основывающихся на алогизме.

Библиографические ссылки

1. **Манякина Т. И.** Игра слов в афористике Марии фон Эбнер-Эшенбах / Т. И. Манякина // Вісник Дніпропетр. ун-ту. Серія «Мовознавство». – Вип. 13. – Д. : ДНУ, 2007. – Т. 1. – С. 204–211.
2. **Манякина Т. И.** Пословичные афоризмы М. фон Эбнер-Эшенбах / Т. И. Манякина // Матеріали III Всеукр. науково-практ. конф. «Лінгвістичні та лінгвокультурологічні аспекти навчання іноземних студентів у вищих навчальних закладах України», 20–21 травня 2010 р. – Д., 2010. – С. 43–49.
3. **Риффатер М.** Критерии стилистического анализа / М. Риффатер // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1980. – С. 69–97.
4. **Словарь иностранных слов.** – 18-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1989. – 624 с.
5. **Тимофеев Л. И.** Основы теории литературы : учеб. пособие для студентов пед. интов. – Изд. 5-е, испр. и доп. / Л. И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1976. – 548 с.
6. **Asemissen H. U.** Notizen über den Aphorismus / H. U. Asemissen // Trivium: Schweizerische Vierteljahresschrift. – Zürich, 1949. – Jrg. 7 – Heft 2. – S. 144–161.
7. **Das große deutsch-russische Wörterbuch** / Hrsg. von Prof. Dr. sc. phil. O. I. Moskalskaja. – In 2 Bd. – Moskau : Russische Sprache, 1980. – Bd. 1. – 760 S.; Bd. 2. – 656 S.
8. **Ebner-Eschenbach, M. von.** Aphorismen. / Marie von Ebner-Eschenbach. – München : Winkler-Verlag, 1956. – 62 S.
9. **Lexikon deutschsprachiger Schriftsteller von den Anfängen bis zur Gegenwart** / Hrsg. von Kurt Böttcher unter Mitarbeit von Fachwissenschaftlern. – In 2 Bd. – Leipzig: Bibliographisches Institut, 1967. – Bd. 1. – 820 S.
10. **Riesel E.** Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – Moskau : Verlag Hochschule, 1975. – S. 212–223.
11. **Simon, Dietrich.** Nachwort zu: Eine ganze Milchstraße von Einfällen. Aphorismen von Lichtenberg bis Raabe / Hrsg. von Dietrich Simon. – Rostock : Hinstorff, 1974. – S. 287–300.

Надійшла до редколегії 11.03.11